

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2023.13022

EDN: GYQQTQ

Беловодский сюжет русской прозы 1920-х гг.: философский контекст утопического идеала

Е. А. Папкина

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького,
Российская академия наук
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: elena.iv@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрен философский контекст русской прозы, включающей в себя русскую народную легенду о Беловодье и посвященной проблеме общественного идеала. В трудах русских философов-космистов, последователей Н. Ф. Федорова: В. Н. Муравьева, Н. А. Сетницкого и А. К. Горского — пореволюционный идеал социализма и коммунизма представлен как несовершенный, ограниченный, хотя и связанный с истинным, теократическим идеалом Царства Божия на Земле, в процессе реализации которого будет не только изменен социальный порядок, но и улучшен весь мир, в том числе и природа человека. Писатели М. П. Плотников, Вс. Иванов, Вяч. Шишков и А. П. Платонов, многие из которых были знакомы с философией Федорова, в своих произведениях середины 1920-х гг. рассматривали проблему идеала в сходном ключе. Воплощенный в народной утопической легенде образ Беловодья как истинного идеала, земного царства благочестия, справедливости и праведной веры противопоставлялся в их произведениях ограниченному идеалу, лжеидеалу, отмеченному несовершенством по цели развития (материальное благополучие) или по средствам (насилие). Одну из причин невозможности достичь истинного идеала писатели, как и философы-космисты, видели в несовершенстве природы человека. Результатом сопоставительного анализа стал вывод о том, что, хотя писатели по-своему рассматривали проблему общественного идеала, их объединяет с философами-космистами мысль о необходимости приблизить несовершенный идеал социализма и коммунизма к подлинному, абсолютному идеалу.

Ключевые слова: русская проза, Беловодье, философия, контекст, утопический идеал, социализм, коммунизм, теократический идеал, несовершенство человека

Для цитирования: Папкина Е. А. Беловодский сюжет русской прозы 1920-х гг.: философский контекст утопического идеала // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 4. С. 216–235. DOI: 10.15393/j9.art.2023.13022. EDN: GYQQTQ

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2023.13022

EDN: GYQQTQ

Belovodsky Plot of Russian Prose of the 1920s: the Philosophical Context of the Utopian Ideal

Elena A. Papkova

*A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: elena.iv@bk.ru

Abstract. The article studies the philosophical context of Russian prose, including the Russian folk legend of Belovodye and devoted to the problem of the social ideal. In the works of Russian cosmist philosophers, followers of N. F. Fedorov, V. N. Muravyev, N. A. Setnitsky and A. K. Gorsky, the post-revolutionary ideal of socialism and communism is presented as imperfect, limited, although connected with the true, theocratic ideal of the Kingdom of God on Earth. Not only the social order will be changed in the process of its implementation, but the whole world, including human nature, will also be improved. The writers M. P. Plotnikov, Vs. Ivanov, Vyach. Shishkov and A. P. Platonov, in their works of the mid-1920s considered the problem of the ideal in a similar way. Embodied in the popular utopian legend, the image of Belovodye as the true ideal, the earthly kingdom of piety, justice and righteous faith, was opposed in their works to a limited ideal, a false ideal. This ideal was marked by imperfection in terms of the goal of development — material well-being, or in terms of means — violence. Writers, as well as cosmist philosophers, saw one of the reasons for the impossibility of achieving the true ideal in the imperfection of human nature. The comparative analysis allowed to conclude that, although the writers considered the problem of the social ideal in their own way, they are united with cosmist philosophers by the idea of the need to expand the imperfect ideal of socialism and communism into a true, absolute ideal.

Keywords: Russian prose, Belovodye, philosophy, context, utopian ideal, socialism, communism, theocratic ideal, imperfection of human nature

For citation: Papkova E. A. Belovodsky Plot of Russian Prose of the 1920s: the Philosophical Context of the Utopian Ideal. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2023, vol. 21, no. 4, pp. 216–235. DOI: 10.15393/j9.art.2023.13022. EDN: GYQQTQ (In Russ.)

Середина 1920-х гг. отмечена в русской прозе появлением ряда произведений, включающих в себя легенду о Беловодье, в которой воплотилось народное представление об утопическом идеале. Исследователями неоднократно отмечалось, что во второй половине 1910-х гг. в русской литературе наблюдается возвращение к народным утопиям, понимание революции как «начала осуществления чаяний, запечатленных в образах "Китеж-града", "мужицкого рая"» [Семенова, 2001: 43]. То же можно сказать и о Беловодье. Однако при всей близости этих легендарных топов, между ними имеются существенные различия. «Китежская легенда фиксирует момент "исхода", — указывал А. И. Клибанов. — <...> Беловодская легенда естественно дополнила Китежскую, как и "исход" дополнен был "обетованной землей". Ею и явилось Беловодье» [Клибанов: 220]. В отличие от сокровенного града-Китежа, Беловодье представляет собой «"земное царство" с идеальным строем общественных отношений» [Клибанов: 221]. Таковыми стремились быть и утверждаемые идеологами новой власти социализм и коммунизм.

Произведения с беловодской тематикой создавались в России в 1910-е и в 1920-е гг. В предреволюционный период и в первый год революции печатаются романы А. Чапыгина «Белый скит» (1913), А. Новоселова «Беловодье» (1917), Г. Гребенщикова «Чураевы» (1 ч. — 1917), а кроме того очерки А. Новоселова «У старообрядцев Алтая» (1913), Г. Гребенщикова «Алтайская Русь» (1914) и др., включающие мотив поисков Беловодья (подробнее см.: [Анисимов: 238–250]). В середине 1920-х гг. в русской литературе вновь наблюдается обращение к названной теме. Обнаруженная нами в РГАЛИ авторизованная машинопись повести сибирского писателя М. П. Плотникова «Беловодье» была отклонена журналом «Красная новь» в 1925 г. и впервые напечатана лишь в 2011 г. (Сибирские огни. 2011. № 4). В предисловии к публикации нами была предпринята попытка выявить в литературе 1920-х гг. типологически близкие произведения, включающие мотивы поиска Беловодья [Папкина, 2011а]. Таковыми оказались повести М. Плотникова «Беловодье» (конец 1924 — начало 1925 г.), А. Караваевой «Золотой клюв (Повесть о далеких днях)» (1925), В. Шишкова «Алые сугробы» (1925), Вс. Иванова «Бегствующий остров» (1926), рассказ

А. Платонова «Иван Жох» (начало 1927 г.). В работах второй половины 2010-х гг., посвященных теме Беловодья, современные исследователи, с опорой на названные нами художественные тексты 1920-х гг., выстраивают новые концепции, посвященные уже прозе второй половины XX — начала XXI в., выделяя, в частности, в русской литературе «беловодский метатекст» или «мифологему» (см.: [Ковтун], [Богумил, 2018]).

Анализ исторического контекста проблемы утопического идеала, ставшей центральной в данной группе произведений именно в 1920-е гг., показал, что их появление было вызвано прежде всего реалиями жизни Советской России, наиболее значимыми среди которых стала смерть В. И. Ленина в 1924 г. и актуализация вопроса о политическом и экономическом пути страны (см.: [Папкова, 2021]). Однако был у поставленной писателями проблемы и философский контекст, до сих пор не рассматривавшийся в научной литературе. Наиболее близкими в этом отношении к авторам произведений с беловодским сюжетом стали русские философы-космисты, последователи философа Н. Ф. Федорова, — В. Н. Муравьев, А. К. Горский, Н. А. Сетницкий.

Вопрос об общественном идеале в русской литературе, русской религиозной философии и народной культуре конца XIX — первой трети XX в. не только ставился в социальном плане, как это происходило в политике, но и рассматривался гораздо шире — как идеал религиозно-нравственный. Еще в 1881 г. в «Дневнике Писателя» Ф. М. Достоевский дал определение «русского социализма»: «Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов *всесветным единением во имя Христово*»¹. Выдающийся русский философ Н. Ф. Федоров, как отмечает исследователь философии русского космизма А. Г. Гачева, в конце жизни «сделал ряд набросков, дающих его собственную трактовку того этапа истории, который, согласно Откровению, будет тысячелетним торжеством на земле Христовой правды» [Гачева, 2021: 480]. В соответствии с пониманием Федорова, в это время «регуляция» «внутри планеты уже достигает своей полноты, распространяясь как на окружающую

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 27. С. 19.

природу <...> (внешняя регуляция), так и на самый организм человека (внутренняя регуляция)» [Гачева, 2021: 481]. Так же изменится и организация общества, ибо «регуляция не ограничивается физиологической стороной призываемых, но простирается на внутреннюю сторону, психическую»². Исходя из мыслей Федорова, Гачева приходит к выводу, что, в понимании философа, впоследствии «юридико-экономический уклад сменяется психократией, держащейся не внешним ограничением и принуждением, а внутренним благодатным законом любви» [Гачева, 2021: 481].

Революцию 1917 г. русские деятели культуры восприняли как событие не столько социальное, сколько онтологическое, имеющее вселенский масштаб и ведущее человечество к бессмертию и раю на земле. Однако уже в первые пореволюционные годы последователи Федорова, философы Горский, Сетницкий и Муравьев, в целом принимая идею создания нового общества, отвергли многое из социального идеала в понимании большевиков, представлявшегося им внешним, неполным в силу классовых, имущественных и иных ограничений. Так, Муравьев отмечал, что «то понимание социализма, которое зреет в почве христианско-крестьянской Руси», «не имеет ничего общего с Марксовой "диктатурой пролетариата", классовым разделением и враждой: это единство, основанное на идеале соборности, пронизанное евангельским духом любви» [Гачева, 2011: 9]. После победы Октября Муравьев стремится увидеть истоки и корни социализма в истории русского народа, его искании Царства правды и, возможно, сотрудничая с Советской властью, способствовать перерождению революционного идеала в идеал теократический. Эта мысль ясно прослеживается в письмах философа 1919–1920 гг., адресованных главному идеологу Советской России — Л. Д. Троцкому. В наибольшей степени мысли философа раскрываются в письме от 6 января 1920 г., где противопоставлены идеал материалистический и идеал теократический. Теократический идеал, возражает большевикам философ, «имеет над Вашим то преимущество, что захватывает всего человека, не только телесного, но и духовного, и всю конкретную историю, а не взятую из нее искусственно

² Федоров Н. Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Традиция, 1997. Т. 3. С. 356.

одну только экономическую схему»³. Однако два идеала не только противопоставлены, но и сопоставлены. Рассматривая коммунизм как «идею еще свернутую»⁴, философ предсказывает, что «когда-нибудь мы к этим идеям придем и что социализм сыграет роль в этом процессе»⁵. В заявлении «В Особый отдел ВЧК», написанном 25 февраля 1920 г., Муравьев продолжает раскрывать свои мысли о связи двух идеалов, ожидая того времени, когда социализм, «преодолев самого себя», «перестанет быть социализмом и станет откровенно теократическим идеалом в новой форме»⁶.

В целом в своих статьях, заявлениях, письмах, в мистерии «София и Китоврас», особенно ее редакции 1924–1925 гг., Муравьев многократно подчеркивает, что социализм сохраняет связь с тем единым и единственным идеалом, который был дан в слове Христа ученикам об искании Царствия Божия и в Китеже, Беловодье, Опоньском царстве, но пока является идеалом ограниченным, неполным. В «Ночи шестой» мистерии, где София попадает в «Царство подземных людей», она объясняет эту ограниченность «отсутствием строительной идеологии» в «современной русской революционной практике»: изменение мира у большевиков «ограничивается перераспределением земных благ и известной реорганизацией государственного строя и юридических институтов»⁷.

Единомышленниками Муравьева были философы Сетницкий и Горский. Сетницкому, в частности, принадлежит существенный теоретический вывод о воплощении идеала. В книге «О конечном идеале» (1932) философ «вводит понятие "дробного идеала", противопоставляя его "целостному" или "абсолютному" идеалу». Для этого идеала, в том числе и для социализма и коммунизма, характерны «временность и локальность, принципиальная невсеобщность», несовершенство по цели развития (материальное благополучие) или по средствам (насилие, кровь). «Дробные идеалы» «могут нести

³ Муравьев В. Н. Сочинения: в 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Кн. 2. С. 352.

⁴ Там же. С. 354.

⁵ Там же. С. 353.

⁶ Там же. С. 381.

⁷ Там же. Кн. 1. С. 318.

в себе те или иные черты целостного идеала, но не равновелики ему, заключают в себе мечту о преобразении мира, но редуцированно, а подчас и искаженно» [Гачева, 2021: 535]. Изучая вопрос об идеальном устройстве общества, Сетницкий, вслед за Федоровым, тесно связывал социологию с антропологией и онтологией. Он считал, что «нестроения в социуме — следствие стихийности и несовершенства самой природы человека, самостной, противоречивой и смертной, а значит, и порядка природы как такового, ибо человек — та же природа, только пришедшая к самосознанию» [Гачева, 2021: 536]. С этой точки зрения философ рассматривает и социализм, считая его лишь частью, дробью, в сравнении с «абсолютным» идеалом Царства Божия.

Именно искание «целостного» идеала и противопоставление ему «дробного» воплотилось в прозе Советской России 1920-х гг. в группе произведений, основанных на легенде о Беловодье. В отличие от текстов 1910-х гг., главным в которых является путь в Беловодье и завершающихся на том этапе странствия героев, когда после долгой и трудной дороги перед ними только открываются вдаль, реально или в предсмертном видении, церкви и белые колокольни праведной земли, произведения, написанные после революции, в период нэпа, построены по-другому. Герои их также отправляются в путь, в результате которого приходят в некое место, название которого прямо или косвенно указывает на Беловодье: Белый остров (Белоостровье) у Иванова, Бухтарминская долина у Плотникова и Каравасовой, Вечный Град-на-Дальней реке у Платонова, некая горная долина на Алтае у Шишкова, — и собираются там строить новую жизнь.

Мы далеки от утверждения, что писатели, создавая беловодские тексты, напрямую ориентировались на труды философов-космистов, хотя известно, что исследователями творчества и биографами Платонова и Иванова установлены знакомство писателей с философией Н. Ф. Федорова и ее влияние на их произведения. «Андрей Платонович обладал редким по цельности и убежденности мировоззрением, прямо связанным с традицией активно-эволюционной, космической мысли, прежде всего с философией Николая Федорова», — отмечает

С. Семенова [Семенова, 2020: 21]. О том, что Иванова волновали вопросы жизни, смерти и бессмертия, всеобщего спасения, что в его библиотеке хранились труды Федорова, нам уже приходилось писать [Папкина, 2011b]. Есть вероятность, что Плотников, с 1917 по начало 1920-х гг. живший в Омске, мог познакомиться с «Философией общего дела» в кружке А. С. Сорокина, который посещал и Иванов. Подтверждением этому, возможно, служат строки из пьесы «Гордость Сибири Антон Сорокин» (1918), скорее всего, явившейся плодом коллективного творчества писателей сорокинского кружка. Среди действующих лиц названы Иванов и Плотников. Говоря о будущем процветании Сибири, поэт А. Оленич-Гнененко восклицает: «...Философия и Клюева творения / Прочертят достойный след...» [Неизвестный Всеволод Иванов: 148]. О знакомстве Шишкова и Караваевой с философией Федорова и его последователей данными не располагаем. Но в этом случае не так существенно, читали ли писатели труды философов, важно, что понимание «абсолютного» и «дробного» идеалов оказалось у них поразительно близким.

Завершающие повесть Плотникова слова:

«Скоро умрет наивная вера в старую Беловодскую землю, ибо человечество на путях к новому Беловодью, более прекрасному и более реальному и близкому»,⁸ —

указывают, что с народным пониманием праведной земли, Беловодья, сопоставлены именно социализм и коммунизм, которые, как тогда ожидалось, станут идеальным общественным устройством не только в России, но и в мире в целом. Выскажем предположение, что Плотников, Иванов, Шишков и Платонов, включившие в свои произведения русскую утопическую легенду, не только отражали духовный идеал народа, но и обращались к новой власти с неким наказом скорректировать два идеальных образа. Собственно, к этому стремился и Муравьев, когда писал Троцкому: «Мне мерещится в тумане, быть может, когда мы пройдем через социализм, начало новой религиозно-общественной эры...»⁹.

⁸ Плотников М. Беловодье // Сибирские огни. 2011. № 4. С. 154.

⁹ Муравьев В. Н. Сочинения. Кн. 2. С. 365.

Все произведения с беловодским сюжетом, как нами было отмечено в статье, где рассматривался историко-культурный и литературный контекст этих текстов [Папкова, 2021], имеют сходную композицию.

В первой части повествования у всех авторов появляется возвышенный образ «целостного» идеала в его народном понимании. Например:

«А там, за высокими алмазными хребтами для незримых очей духовидцев горела куполами многих церквей земля древляя, земля правой веры, земля Беловодская и колокольным звоном многих звонниц звала к себе»¹⁰.

В образе Беловодья писатели подчеркивают духовные составляющие: благочестие, свободу, справедливость, праведную веру.

По мнению исследователей, «легенда о Беловодье имела общерусский характер и распространение, и в то же время была особенно популярна среди старообрядцев-беспоповцев, причем сыграла определенную роль в развитии "бегунства" — крайнего, радикального его ответвления» [Чистов: 318]. Отчасти потому в легенде «мечта о вольной земле сочетается <...> с типично старообрядческой мечтой о земле, сохранившей "древнее благочестие"» [Чистов: 316–317]. Для стремящихся туда важным являлось и отсутствие всех светских властей: «...светского суда у них нет; а управляют народом духовныя власти» (цит. по: [Чистов: 431]).

Не все произведения с беловодской темой рассматривают проблему «дробного» и «целостного» идеалов. Сразу следует подчеркнуть, что в повести Караваемой «Золотой клюв», в сущности, эти понятия сливаются воедино и в роли «целостного» идеала выступает «дробный». В центре внимания писательницы не крестьянский мир, а представители рабочих, и, рисуя мировоззрение своих героев, Караваемая исключает религиозную составляющую образа Беловодья. Бергалы (рабочие) в повести «Золотой клюв» стремятся, собственно, не в Беловодье, а в вольный и богатый Бухтарминский край:

¹⁰ Плотников М. Беловодье. С. 142.

«В Бухтарме все-е есть, чо хошь. И лес, и пашня, и зверь, и золото... и... и... токмо рук не жалеи... <...> Горяча и приветна земля, певучи, обильны рыбой реки на Бухтарме...»¹¹.

Действительно Бухтарминская и Уймонская долины, как убедительно показал Чистов, «оказались <...> между государственными границами России и Китая на нейтральной территории, интереса к которой не проявляло ни одно, ни другое правительство <...>, возможно, к концу XVIII в., слухи о существующей мужицкой земле, без чиновников и попов, достигли и европейских губерний. Есть сведения о том, что во второй половине XVIII в. именно эти две долины и назывались Беловодьем» [Чистов: 307].

Все авторы описывают сложность дороги в праведную землю, неизведанными путями, нетореными тропами.

В связи с темой нашей статьи и анализом философского контекста указанных произведений рассмотрим подробно третий элемент композиции беловодских текстов, где можно увидеть, что авторы описывают некое преображение, или дробление, идеала: образ праведной земли принимает обличье богатой земли, где и остаются странники. Наиболее ярко эта «подмена» (термин А. К. Горского; см.: [Гачева, 2018: 208–209]) идеала представлена у Плотникова. По дороге в Беловодье странники узнают, «что за камнем (за Уралом. — Е. П.) земля богатая, где жить в легкости можно и никто там не сыщет»¹².

Уставшие от долгого пути, люди решают отдохнуть там. Самый старый из них объявляет народу:

«...теперь нам надо наше житье временное обсудить. <...> Земля здесь большая и свободная, места много. <...> Жить мы будем сотовариществом, дела наши решать миром»¹³.

Люди селятся по рекам Бухтарме, Белой, Ясной, добывают соболей, пахут земли. Только инок Иосаф не устает напоминать об истинной цели — пути в «настоящее Беловодье», предостерегает, что «народ на здешней земле обживется и о земле

¹¹ Караваева А. А. Золотой клюв // Караваева А. А. Собр. соч.: в 5 т. М.; Л.: Госиздат, 1930. Т. 1. С. 74–76.

¹² Плотников М. Беловодье. С. 143.

¹³ Там же. С. 144.

Беловодской забудет»¹⁴. Действительно, начинается тяжелая, но вольная жизнь, и народ забывает о Беловодье.

Вслед за Федоровым и Сетницким Плотников подчеркивает несовершенство природы людей, стремящихся к совершенному идеалу. Постепенно на новой земле появляются старые потребности (трудно жить без соли) и старые страсти (нужны бабы). Многие, «которых мало манило загадочное Беловодье, как холодные воды Светло-Яра, где спрятался град Китеж», хотят отправиться в Китай, в ближайший город Кобдо: «...пойдем мир посмотрим да и от кнута избавимся»¹⁵. Китайский Богдо-хан не принимает русских в свое подданство, и на обратном пути праведник Иосаф вновь напоминает о «целостном» идеале:

«Далекий путь мы совершили с вами, многие из вас веру в землю Беловодскую утратили, но говорю вам, есть та земля...»¹⁶.

Со временем, особенно с приходом других людей, новая земля приобретает все больше черт старой:

«Множились люди за Камнем, но не множилась вера истинная в людях <...>. Множились люди худые, заводились ссоры да распри, доходило дело до схваток и ножей»¹⁷.

Господь посылает неурожай и голод. В главе «Конец Бухтарминской вольницы» показано, как под ударами и извне, и изнутри гибнет свободная Бухтарма. Отметим переключку с мыслью Сетницкого о том, что «дробные идеалы, несмотря на кажущуюся их "реалистичность" и легкую "достижимость", никогда не воплощаются до конца, по ходу реализации терпят крах <...>. Воплотим же во всей полноте может быть лишь абсолютный, целостный идеал» [Гачева, 2021: 535].

Повествователь в рассказе Платонова, по сути, говорит о той же «подмене» «целостного» идеала «дробным». В завершающей части текста появляется образ «преуспевающего раскольничьего скита»:

¹⁴ Плотников М. Беловодье. С. 144.

¹⁵ Там же. С. 151.

¹⁶ Там же. С. 152.

¹⁷ Там же. С. 149.

«У сибирских староверов он известен под именем Вечного Града-на-Дальней реке».

Созданный в XVIII в., он и в 1919 г. живет в большом «достатке и благополучии»¹⁸.

Есть в Вечном Граде игумен Георгий, обладавший «одиноким восторженным и свежим сердцем», который написал философскую книгу о «ничем нерушимом покое тайги», — персонаж, близкий иноку Иосафу из повести Плотникова. Но в целом раскольничья столица тоже живет по законам старой жизни:

«Наверно, богатство и было настоящей силой, что влекла сюда исконных раскольничьих людей? — предполагает повествователь, подчеркивая, что описанный идеал не является истинным. — Все прочее — вера в правильность двуперстного сложения руки, осьмиконечный крест, борода и другое — было так, лишь для признака дружной хозяйственной жизни. А этот Георгий — случайность, так сказать, жемчужина мечты в том царстве покойного богатства и сытой жизни...»¹⁹.

Герои повести Иванова достигают Белого Острова и тоже создают там свое «царство». На «недоступных холодных водах» селятся раскольники, ставят молитвенный дом, кто-то рубит дома и поднимает пашни, праведники живут на горе Благодарности схимниками-пустынниками²⁰. Но — нужны ружья и порох, и начинается торговля с зырянами села Черно-Ореховое. Постепенно возрастают земные страсти: появляется честолюбие у Гавриила-юноши, мечтающего о киновиаршестве; от радости, что «в Руси царя нет» и старая вера воротилась, среди схимников начинается «блуд неудержный»; молодые, в том числе и дочь кроткой старицы Александры-киновиарх, хотят в «мир» уйти²¹. Подобно другим писателям, Иванов вводит мотивы несовершенства природы человека и утраты веры.

¹⁸ Платонов А. Иван Жох // Платонов А. Сочинения / под ред. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1: 1918–1927. Кн. 1: рассказы, стихотворения. С. 39–40.

¹⁹ Там же. С. 40.

²⁰ Иванов Вс. Тайное тайных / изд. подг. Е. А. Папкина. М.: Наука, 2012. С. 97. (Сер.: Лит. памятники.)

²¹ См.: Там же. С. 95–117.

Как и у Плотникова, в повести Иванова Беловодье (Белый Остров) по-прежнему остается образом недостижимой мечты: в тайге бушует пожар, погибают Три Сосны — Три Святителя, но часть раскольников возвращается в свою обитель:

«А через недельку и топи открылись. Ну, теперь и попробуй, попади на Белый Остров»²².

По-другому строится повесть Шишкова «Алые сугробы», но и здесь присутствует антитеза «дробный» идеал и «целостный». Так же, как в других беловодских текстах 1920-х гг., герой повести, крестьянин Афоня, не доходит до настоящего Беловодья, а попадает в некое богатое место, о котором рассказывает спасший его татарин:

«— Земля шибко якши тут... А-яй, какой земля самый хорош. Работать мало-мало можно, денга колотить можно»²³.

«...Афоня почти находит "райскую землю" лишь в большом бре-ду, — отмечает Т. А. Богумил, — а в реальности — пусть и хорошую землю, но не Беловодье» [Богумил, 2020: 133–134].

Противопоставление двух идеалов, как мы уже отметили, отсутствует в повести Караваевой. В главе «Бухтарма» показано, как устраивается материальное благополучие людей: беглецы строят себе избы, шьют теплую одежду из пушнины, строгают лыжи для охоты, приносят жирную медвежатину. Но начинаются раздоры: «Думы пошли в разные стороны, стали искать себе разных троп...»²⁴. И у Караваевой появляются те, кто предлагает идти дальше, но это дальнейшее место представлено не как истинное и праведное («Беловодье»), а лишь как более надежное, защищенное от внешних врагов и, конечно, богатое, то есть по-прежнему «дробный», а не «целостный» идеал. Рабочий Аким рассказывает другим «про город Аблайкит»:

«Жило тамо племя како-то богатеющее... И пришла к им болесь злая... Померли от ее все, а богатства оставили в погребах глубоких... Богатств на все жисть хватит...»²⁵.

²² Иванов В. Тайное тайных. С. 129.

²³ Шишков В. Алые сугробы. [Харьков]: Пролетарий, [1927]. С. 95.

²⁴ Караваева А. А. Золотой клюв. С. 254.

²⁵ Там же. С. 264.

Различные финалы произведений акцентируют разное понимание каждым писателем проблемы общественного идеала.

У Плотникова, несмотря на подмену, настоящее Беловодье, народный подлинный идеал не уходит из поля зрения персонажей повести. В финале инок Иосаф обвиняет «маломощных» людей, которые «самое великое <...> продали за чечевичную похлебку», и призывает не покоряться ни царице, ни собственной слабости:

«Слышите, как бухает тысячный колокол? Это в Беловодье, а оно недалеко. Вижу я незримыми очами эту страну <...>. Братья, кто не боится трудов великих, пойдем со мной в ту землю свободную. Мы найдем ее»²⁶.

Многие, отринув земное, «снарядились в дальний путь»²⁷. Троекратно повторенное слово «дальний» сменяется антитезой: «...человечество на путях к новому Беловодью, более прекрасному и более реальному и близкому»²⁸, — что, как нам представляется, призвано подчеркнуть, что если «дробный» идеал — коммунизм — все же, по мнению автора, воплотится в жизнь в недалеком будущем, то долгий путь к подлинному идеалу справедливой и праведной жизни еще впереди.

Повесть Иванова также заканчивается словами о мучительном и долгом пути, ожидающем людей:

«Мука-то не оттуда начинается, мука начинается с другого... Поживешь поездишь, посвистит тебе ветер в уши, ну, глядишь, и поймешь»²⁹.

Шишков в повести «Алые сугробы», не вводя образ нового пути, дает свой финал рассказу о поисках Беловодской земли. Настоящий общественный идеал — здесь, среди людей, которые открывают другим свою добрую душу:

«Двух коней тебе дам: все-равно зверь, все-равно ветер... Вот какой... На! Денга не надо... Помогать надо»³⁰.

²⁶ Плотников М. Беловодье. С. 153.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Иванов Вс. Тайное тайных. С. 130.

³⁰ Шишков Вяч. Алые сугробы. С. 96.

Однако и Шишков неслучайно на страницах повести подчеркивает несовершенство людей, стремящихся к совершенному идеалу. Намеком на губительное вмешательство земных страстей и грехов звучат слова Афони в середине повести:

«— Я все думаю. Деда-прадеды эту землю-то праведную спокон веку, сказывают, искали, не нашли. Вот уж, кажись, тут и есть, уж звоны слышны колокольные. Только бы войти, ан нет, лукавый сомустил, грех вышел, перегрызлись деда, и прощай, земля святая, идут назад ни с чем»³¹.

Еще один вариант понимания проблемы предлагает Платонов в рассказе «Иван Жох». Правнук Ивана Жоха в 1919 г. отправляется к генералу Деникину «драться с красными». Избранный им путь тоже вроде лежит к истинному идеалу, и на вопрос «за что драться?» Кузьма Сорокин отвечает: «За веру, за Вечный Град, за тишину истории»³². Однако этот путь ведет в тупик: Сорокина убивает «таманский командир в камере армавирской тюрьмы в 1920 году»³³. Путем насилия и убийства, как показывает автор, прийти к «абсолютному» идеалу невозможно.

Сопоставляя произведения 1920-х гг. с беловодской тематикой, отметим их важную черту: причины того, что герои не достигают истинного Беловодья, писатели Плотников, Шишков, Платонов и Иванов склонны искать в людях, которые не умеют и не ставят себе целью жить праведно, сохраняют в душах старые страсти и помыслы, не останавливаются перед пролитием крови. Лишь в повести «Золотой клюв» помимо внутренних причин: «А жить умели, скажешь? Лад, скажешь, был крепкой?»³⁴ — огромное значение имеют внешние обстоятельства и внешние враги — начальство Колыванских заводов, богатые люди, «дворяне, купцы, попы»³⁵. В последней главе повести, «Предтечи будущих веков», проводится параллель между прежними, неудачными попытками народа

³¹ Шишков Вяч. Алые сугробы. С. 59.

³² Платонов А. Иван Жох. С. 41.

³³ Там же.

³⁴ Караваева А. А. Золотой клюв. С. 323.

³⁵ Там же.

обрести счастливую жизнь и новым, пореволюционным временем. Караваева убеждена, что достижение общественного идеала зависит лишь от переустройства социума: когда «тучей» пойдет «народушко» и «лиходеи»³⁶ будут разбиты, когда «будем все хозяева», «и жисть тогда будет правдишна-а»³⁷. Плотников, Иванов и Шишков, как нам представляется, вслед за русскими философами видели, что все гораздо сложнее, что достижению подлинного, праведного общественного идеала предшествует долгий путь переустройства природы человека. Отметим также, что все они, в большей или меньшей степени, видели истинный идеал имеющим религиозную основу, не случайно центральным символическим образом всех произведений становится именно Беловодье.

Очевидно, что идеи и философов-космистов, и писателей, оказавшихся их единомышленниками, были признаны контрреволюционными и стали абсолютно неприемлемыми для новой государственной власти. Судьбы названных русских философов-космистов сложились трагически. В 1920 г. был арестован Муравьев — впоследствии возвращенный на службу, но вновь арестованный в 1929 г., он погиб в Сибири. В 1937 г. был арестован и расстрелян Сетницкий. Произведения указанных писателей, видимо в силу того, что идеи их преподносились в художественной форме, либо не были напечатаны (повесть Плотникова), либо подверглись жесткой критике.

Писатели 1920-х гг. по-своему рассмотрели выдвинутые русскими философами-космистами идеи, однако они были близки в главном. Эта близость сказалась как в стремлении объединить социальную правду с правдой религиозной, приблизить несовершенный идеал социализма и коммунизма к подлинному «абсолютному» идеалу, так и в понимании того, что несовершенная природа человека вряд ли сделает возможным воплотить в жизнь созданный ими утопический идеал.

³⁶ Караваева А. А. Золотой клюв. С. 323.

³⁷ Там же. С. 254.

Список литературы

1. Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX — начала XX века: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2005. 304 с.
2. Богумил Т. А. Беловодье: легенда, мифологема, бренд // Культура и текст. 2018. № 3 (34). С. 89–102 [Электронный ресурс]. URL: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2018/11/a07.pdf> (01.09.2023). EDN: YOLFYT
3. Богумил Т. А. Алтай в биографии и творчестве В. Я. Шишкова («Алые сугробы») // Имагология и компаративистика. 2020. № 13. С. 128–140 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/altay-v-biografii-i-tvorchestve-v-y-shishkova-alye-sugroby?ysclid=loa6ww432z310946289> (01.09.2023). DOI: 10.17223/24099554/13/8
4. Гачева А. Г. Валериан Николаевич Муравьев // Муравьев В. Н. Сочинения. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 3–43.
5. Гачева А. Г. «Крест над выголой»: философ Александр Горский — о поэме Александра Блока «Двенадцать» // Литературный факт. 2018. № 7. С. 197–256 [Электронный ресурс]. URL: https://litfact.ru/images/2018-7/LF-2018-7_197-256_Gacheva.pdf. (01.09.2023). DOI: 10.22455/2541-8297-2018-7-197-256
6. Гачева А. Г. Человек и история в зеркале русской философии и литературы. М.: Водолей, 2021. 700 с. (Сер.: Русская литература и философия: пути взаимодействия; вып. 5.)
7. Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: период феодализма. М.: Наука, 1977. 335 с.
8. Ковтун Н. В. Беловодский метатекст в современной русской прозе (К постановке проблемы) // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков / отв. ред. Н. В. Ковтун. М.: Флинта: Наука, 2015. С. 153–189. (Сер.: Универсалии культуры; вып. VI.)
9. Неизвестный Всеволод Иванов: материалы биографии и творчества / отв. ред. Е. А. Папкина. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 784 с.
10. Папкина Е. А. «Беловодье» Михаила Плотникова: русская литература 1-й трети XX в. в поисках крестьянского рая // Сибирские огни. 2011. № 4. С. 133–139 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sibogni.ru/content/belovode-mihaila-plotnikova-russkaya-literatura-1-y-treti-xx-v-v-poiskah-krestyanskogo-рая> (01.09.2023). EDN: VUEUSB (a)
11. Папкина Е. А. Идеи Фёдорова в мировоззрении и творчестве Вс. Иванова // Литературоведческий журнал. 2011. № 29. С. 196–206 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idei-fedorova-v-mirovozzrenii-i-tvorchestve-vs-ivanova/viewer> (01.09.2023). (b)
12. Папкина Е. А. Исторический и литературный контексты повести Всеволода Иванова «Бегствующий остров» // Культура и текст. 2021.

- № 3 (46). С. 171–184 [Электронный ресурс]. URL: <https://journal-altspu.ru/kultura-i-tekst-2021-3-46> (01.09.2023). DOI: 10.37386/2305-4077-2021-3-171-184. EDN: TAQQKN
13. Семенова С. Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов: поэтика — видение мира — философия. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. 590 с. EDN: TOVVJZ
14. Семенова С. Г. Юродство проповеди: метафизика и поэтика Андрея Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 624 с. DOI: 10.22455/978-5-9208-0606-2
15. Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 540 с.

References

1. Anisimov K. V. *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX — nachala XX veka: osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the Poetics of the Literature of Siberia of the 19th and Early 20th Century: Features of the Formation and Development of the Regional Literary Tradition]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2005. 304 p. (In Russ.)
2. Bogumil T. A. Belovodie: a Legend, Mythologeme, Brand. In: *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2018, no. 3 (34), pp. 89–102. Available at: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2018/11/a07.pdf> (accessed on September 1, 2023). EDN: YOLFYT (In Russ.)
3. Bogumil T. A. Altai in the Biography and Literary Works of Vyacheslav Shishkov (“Scarlet Snowdrifts”). In: *Imagologiya i komparativistika* [Imagology and Comparative Studies], 2020, no. 13, pp. 128–140. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/altay-v-biografii-i-tvorchestve-v-ya-shishkova-alye-sugroby?ysclid=loa6ww432z310946289> (accessed on September 1, 2023). DOI: 10.17223/24099554/13/8 (In Russ.)
4. Gacheva A. G., comp. Valerian Nikolaevich Muravyov. In: *Murav'ev V. N. Sochineniya. Kniga 1* [Muravyov V. N. Essays. Book 1]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011, pp. 3–43. (In Russ.)
5. Gacheva A. G. “A Cross Over Snowstorm”: Philosopher Alexander Gorsky on Alexandr Blok’s Poem “The Twelve”. In: *Literaturnyy fakt* [Literary Fact], 2018, no. 7, pp. 197–256. Available at: https://litfact.ru/images/2018-7/LF-2018-7_197-256_Gacheva.pdf (accessed on September 1, 2023). DOI: 10.22455/2541-8297-2018-7-197-256 (In Russ.)
6. Gacheva A. G. *Chelovek i istoriya v zerkale russkoy filosofii i literatury* [Man and History in the Mirror of Russian Philosophy and Literature]. Moscow, Vodoley Publ., 2021. 304 p. (Ser.: Russian Literature and Philosophy: Ways of Interaction; issue 5.) (In Russ.)
7. Klibanov A. I. *Narodnaya sotsial'naya utopiya v Rossii: period feodalizma* [Folk Social Utopia in Russia: the Feudalism Period]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 335 p. (In Russ.)

8. Kovtun N. V. *Belovodsky Metatext in Modern Russian Prose (On the Problem Statement)*. In: *Sibirskaya identichnost' v zerkale literaturnogo teksta. Tropy, toposy, zhanrovye formy XIX–XXI vekov* [Siberian Identity in the Mirror of a Literary Text. Trops, Toposes, Genre Forms of the 19th — 21th Centuries]. Ed. by Kovtun N. V. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2015, pp. 153–189. (Ser.: Universals of Culture; vol. 6.) (In Russ.)
9. Papkova E. A., ed. *Neizvestnyy Vsevolod Ivanov: materialy biografii i tvorchestva* [Unknown Vsevolod Ivanov: Materials of Biography and Creativity]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2010. 784 p. (In Russ.)
10. Papkova E. A. Mikhail Plotnikov's Belovodye: Russian Literature of the 1st Third of the Twentieth Century in Search of a Peasant Paradise. In: *Sibirskie ogni* [Siberian Lights], 2011, no. 4, pp. 133–139. Available at: <https://www.sibogni.ru/content/belovode-mihaila-plotnikova-russkaya-literatura-1-y-treti-xx-v-v-poiskah-krestyanskogo-rama> (accessed on September 1, 2023). EDN: VUEUSB (In Russ.) (a)
11. Papkova E. A. Fyodorov's Ideas in the Perception and Creative Art of Vs. Ivanov. In: *Literaturovedcheskiy zhurnal*, 2011, no. 29, pp. 196–206. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/idei-fyodorova-v-mirovozzrenii-i-tvorchestve-vs-ivanova/viewer> (accessed on September 1, 2023). (In Russ.) (b)
12. Papkova E. A. Historical and Literary Contexts of Vsevolod Ivanov's Story "Running Isle". In: *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2021, no. 3 (46), pp. 171–184. Available at: <https://journal-altspu.ru/kultura-i-tekst-2021-3-46> (accessed on September 1, 2023). DOI: 10.37386/2305-4077-2021-3-171-184. EDN: TAQQKN (In Russ.)
13. Semenova S. G. *Russkaya poeziya i proza 1920–1930-kh godov: poetika — videnie mira — filosofiya* [Russian Poetry and Prose of the 1920s — 1930s: Poetics — Vision of the World — Philosophy]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., Nasledie Publ., 2001. 590 p. EDN: TOVVJZ (In Russ.)
14. Semenova S. G. *Yurodstvo propovedi: metafizika i poetika Andrey Platonova* [God's Foolishness of Preaching: Andrey Platonov's Metaphysic and Poetics]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020. 624 p. DOI: 10.22455/978-5-9208-0606-2 (In Russ.)
15. Chistov K. V. *Russkaya narodnaya utopiya (genезis i funktsii social'no-utopicheskikh legend)* [Russian Popular Utopia. Genesis and Functions of Socio-Utopian Legends]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003. 540 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Папкова Елена Алексеевна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (ул. Поварская, 25, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5776-1802>; e-mail: elena.iv@bk.ru); **Elena A. Papkova**, PhD (Philology), Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5776-1802>; e-mail: elena.iv@bk.ru.

Поступила в редакцию / Received 11.09.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.10.2023

Принята к публикации / Accepted 21.10.2023

Дата публикации / Date of publication 21.11.2023